

Борис Пастернак родился 100 лет назад

«ПРОШЛИ года. Прошли дожди событий, прошли, мрача Юпитера чело. Пойдешь сводить концы за чаепитием, — их точно сто», — хочется начать Пастернаковскими же словами. Да и можно ли точнее сказать за поэта все, что он пытался рассказать на пределе возможностей стихосложения, как жанра? Пастернак достиг тех высот в поэзии XX века, которые с трудом воображались вообще. Если кто-то робко сводил концы с концами в музыкальности поэзии, то у Пастернака эти концы связаны тутим узлом: — где начинается слово, а где звук — непонятно. Лепет наития, полубезбашенности, пора первого прихода нужных слов, полубеспамятство сильнейшего чувства и графическая точность, ударность афористичная строф, грозные разряды, вселенская зелень, шум дождя, от которого пахнет винной пробкой, вокзалы, дачи, мальчишки — все это Пастернак. Он все обнял, чтобы воспеть свое чувство ко всему. Более эмоционального, радостного поэта трудно придумать.

Радостного? Вот уж большая неожиданность. Пастернак и радость. Но это так, он радостен всеобъемлющей описью природы, реестром своих чувств, списком находок там, где никто не пробовал искать. Ни у кого из русских поэтов не сходились так близко предмет и чувство, а это значит, что душа настолько была щедрой, что приводила в движение поезды, наделяла собой вся и все: тучи, как волосы, встали дыбом», «он тучами был, как слезами, завален», «прислушайся к выюге, сквозь десны процеженной», «дождик... хлынул шумным уверенем», — все это космическая песня общей круговерти, которую Пастернак слал без устали. Если у поэта — почти любого — можно выковыривать изюм образов с трудом, как в сладкой сайке, то Пастернак щедро сыпал ими, как из рога изобилия. Никто

не давал такого лавинного определения поэзии:

Поэзия, я буду клясться
Тобой, я кончу прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом в
третьем классе,
Ты — пригород, а не
припев.

Такой его поэзия и вошла в нашу жизнь — шумная, большая, непостоянная, щедрая, а от этой полноты до счастья один шаг. Несмотря на все перепитии жизни, он чудным образом сохранил свой дар до смерти, до семи-

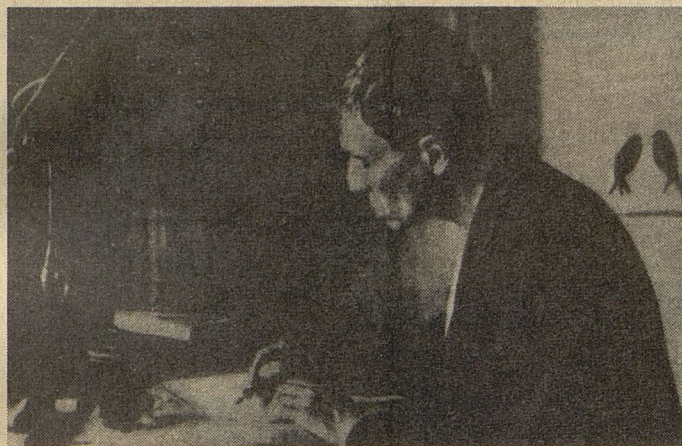
шей совершенно крепкую нравственную основу его культуры. Полоумное время, когда гремели футуристы, имажинисты, рождались и умирали течения, направления, и все было слишком публично — не очень-то сподручно Художнику. Среди хаоса и крови создавать сокровенное творение, полное трепета единственной, смертной души — задача почти невыполнимая. А он ее выполнил. Он не имел отношения ни к одному поэтическому скандалу того времени.

Жизнь его человека в революционное время. Да, потом он подошел к простоте и силе, и все-таки эта книга стоит особняком — как всплеск, как выброс гигантского протуберанца. И шутка ли сказать — в ней «Спекторский», его лучшие любовные стихи, весенние дожди, лето, его строчки, разошедшиеся афоризмами: «как с полки жизнь мою достала и пыль обдула», «ты так играла эту роль! Я забывал, что сам — суфлер!», «мирозданье — лишь страсти разряды, человеческим

жгло душу времен. Про то, как Пастернак «отвоевывал» друзей-поэтов, их домочадцев у Сталина, который хотел, судя по многим фактам, сделать его после гибели Маяковского «первым поэтом», известно немало. Скандал с присуждением Пастернаку Нобелевской премии и то, как друг-сотоварищ по писательской компании сказал про Пастернака, что он «хуже свиньи», — тоже описанный факт. Но мало писали о том, что даже смерть Пастернака не остановила пото-

Молодость Мадгавин. — Кисинев. — 1990. — 10 февр.

«ПОЭЗИЯ, НЕ ПОСТУПАЙСЯ ШИРЬЮ»

ни к какой оголтелости или кампании, поэтическим кафе или рассчитанным на публику выступлениям, где непременно пахло оргией. Он отдал дань смутному времени тем, что знаменитая его книга «Сестра моя — жизнь», куда вошли и стихи лета 1917 года, и все, что он написал позже, вся скачущая замечательной невнятицей, как бы сырая, со стола, в ней время зримо двигается, но все так отчаянно живо, так смятенны чувства в ней, что этот репортаж «страстей по перелому» читается теперь беспокойно и восторженно. Он дал этой книгой почувствовать все, что могло быть в душе уже взрослого и сло-

сердцем накопленной». «Когда любит поэт, влюбляется бог неприкаянный», ну и так далее. Этот список, право бесконечен. Буквально каждая третья строфа грозит разойтись наизусть.

Судьба поэта оказалась столь же сложной, сколько его поэтическое мышление (неужели здесь есть прямая зависимость?). В 1937 году, как свидетельствуют документы, Пастернак едва ли не единственный среди писателей не подписал петиции писателей о смертной казни большевиков-интеллигентов, с которыми Сталину было уже не «по пути». «Гроза как жрец сожгла сирень», — писал Пастернак. Вот так же

ка низкопробной травли его близких, и он как бы и в гробу испытывал все тяготы судьбы.

«Простимся, бездн
унижений
Бросающая вызов
женщина!
Я — поле твоего
сраженья».

Пастернак стал полем сраженья для его подруги Ольги Ивинской, которую советский суд осудил (и ее дочь Ирину тоже осудил) за то, что гонимые с каких-то итальянских изданий были по распоряжению Пастернака переданы в их семью. Судили самого близкого Пастернаку человека, его Лару из «Доктора Живаго», за то, за что судят контрабандистов, торговцев наркотиками — по 15-й статье.

Вот такой финал. Над гробом. Над памятью.

Но финал ли это?

Есть ли конец у гениальной поэзии? Может ли быть у нее финал? Она умрет только с той культурой, в которой родилась. А поэзия Пастернака родилась в русской культуре. А мы только начали говорить о ее Возрождении. Этот юбилей лишь повод, чтобы серьезно задуматься — все ли мы ценим, чем владеем.

Елена ШАТОХИНА.